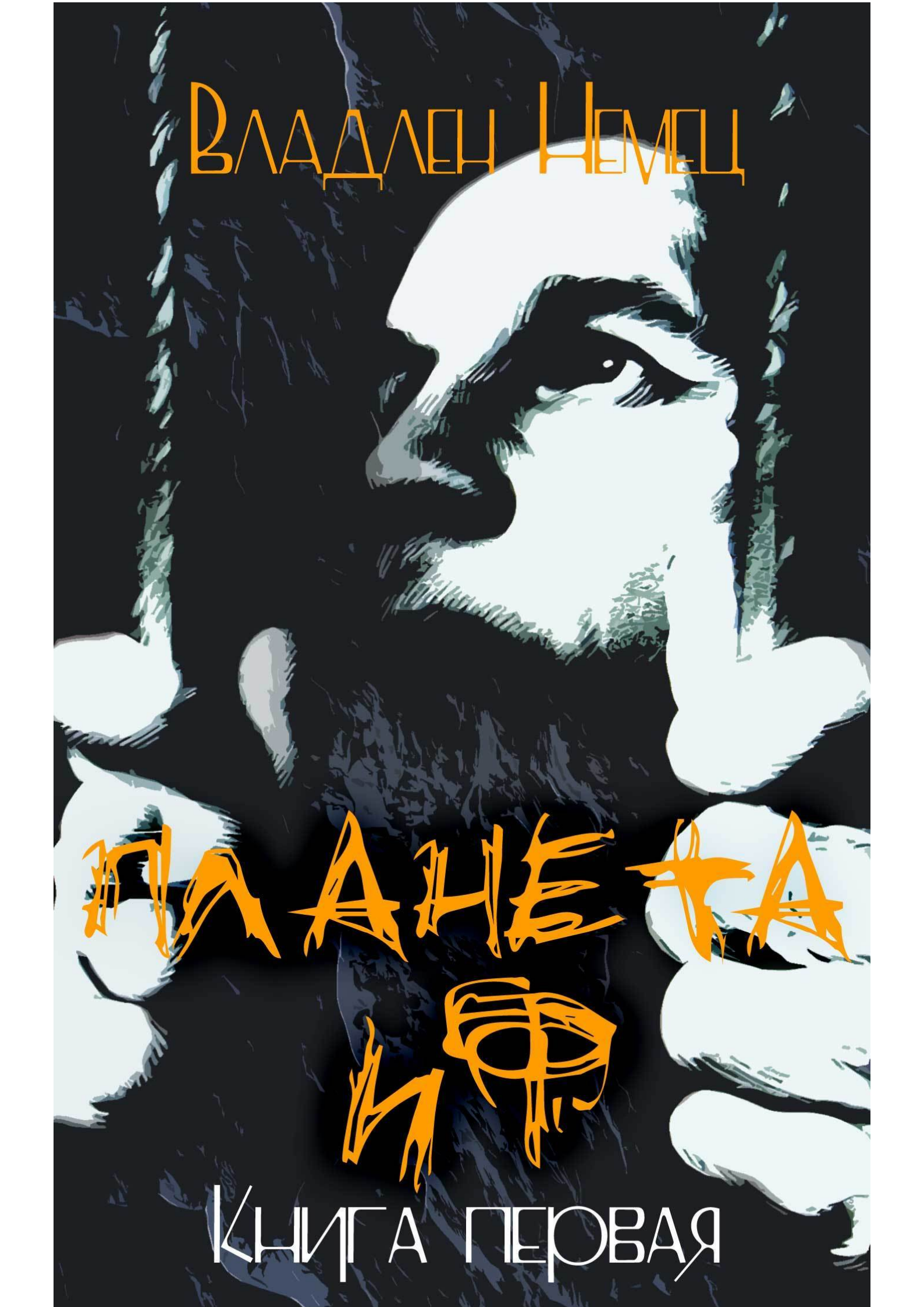




ВЛАДЛЕН ЧЕМЕЦ

ПАДНЕТА
ИФ

КНИГА ПЕРВАЯ

Владлен Немец

Планета ИФ. Книга 1

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Немец В.

Планета ИФ. Книга 1 / В. Немец — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Как известно, наша Вселенная бесконечна, а потому в ней встречаются планеты, похожие на нашу обитель. В этой книге рассказывается о событиях, произошедших на одном из таких небесных тел. Офицеры, прошедшие Мировую войну и перешедшие в Гражданской войне на сторону новой власти, поняли, что эта система не может обеспечить оборону страны в неизбежном новом военном конфликте. Однако, свергнув диктатора Джургу, они столкнулись с новыми проблемами, решение которых потребовало многолетних усилий их самих и молодых поколений их сторонников.

© Немец В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог. 1930-й год	6
1913. Накануне Всемирной войны	7
Пал Палыч и Сергей	7
Алексей Алексеевич – начало пути	13
1907-й год. Погром	17
Жалоба	17
А было так...	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владлен Немец

Планета ИФ

Книга первая

Все события и персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

Пролог. 1930-й год

Темна осенняя ночь. Особенно темно в предрассветные часы, когда в домах погашен свет, а на улицах Города Русалки фонари горят только на перекрестках. Спят, умаявшись от трудов и повседневных забот, добрые люди. А чего бы им не спать? В двадцатом году побили великославов, потом приструнили и собственных пролетарцев. Присмирела разгромленная во Всемирной войне Аллемань. Грозно хранят покой Полонии ее стрелецкие и конные дивизии. Так почему же не гаснет свет в широких окнах кабинета главы государства, президента Адама Сокольского? Что беспокоит храброго воина и мудрого государственного деятеля?

Не до сна президенту молодого и в то же время одного из древнейших государств континента. Уж он то точно знает, что новая война не за горами. Конечно, премьер может кричать на сейме, что Полония могуча как никогда, что Великославия, эта дикая и темная страна, никогда не посмеет снова напасть на Полонию и нарушить договор о границах двадцать первого года, гарантами которого стали Альбион и Галлия.

Кривит душой Брек. Ему-то отлично известно, что ситуация в последние годы резко изменилась. Вплотную к границам Аллемани подползает мировой кризис. Не в силах теперешнему демократическому правительству с ним справиться. Кризис нужно пережить, перетерпеть. Но ведь вот беда – жива, ой как жива в памяти аллеманцев страшная послевоенная голодная пора! Призовут они правительство твердой руки. А Партия Национального Спасения во главе с её вождем Шиклем уже провозгласила программу решения всех проблем за счет соседей и внутренних врагов – плутократов и джервов. Да и теперешняя стотысячная армия этой страны состоит сплошь из офицеров и унтер-офицеров – бывших фронтовиков, и развернуть ее в миллионную за один год ничего не стоит. А промышленность Аллемани не полонийской чета: всем необходимым и на самом современной уровне обеспечит армию.

Вот и Великославия недавно провела на Малославии под древней столицей Щекивым показательные маневры. Одни авиадесантные дивизии чего стоят, а танков разных просто без числа. Железной рукой наводит порядок в стране избавившийся от соперников скрытный Джурга. Он, как бы невзначай, бросает фразы о несправедливости договоров, навязанных пролетарской республике империалистами, и прислушивается к реакции соседних стран. И всегда добавляет сакраментальную фразу «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Вроде бы успокаивает: Не нужна, мол, чужая земля. А если всё это сложить вместе, то получается, что своими он считает все земли, которые раньше входили в состав Империи, как например, Западная Малославия и Западная Белославия, отошедшие к теперешней Полонии по договору 1921 года. Да ведь и сама Полония тоже была частью Империи.

Не раз и не два делили хищники несчастную Полонию, и сейчас не прочь повторить. А чем им противостоять? Гонором, воспоминаниями о победоносной компании двадцатого года, театрализованными парадами конницы? Конечно, Альбион и Галлия друзья и союзники Полонии, но они не близко, и у них самих хлопот полон рот, так что вряд ли чемнибудь кроме сочувствия помогут. Да и сами страны Приянтарья и Полония тоже хороши: все друг к другу претензии предъявляют, норовят друг у друга кусок территории оторвать. Вспомнилась картинка из какого-то географического журнала: большая рыба пожирает малую, а та в это время заглатывает еще меньшую.

Куда податься бедной Полонии? Неужто опять по ней прокатятся черные годы оккупации? Не спится президенту Полонии: трудно, ох как трудно разгадывать будущее...

1913. Накануне Всемирной войны

Пал Палыч и Сергей

Павел Павлович улыбался, улыбался широко, душевно, подливал в бокал своему собеседнику, рекомендовал с большим знанием дела разные блюда, и говорил, говорил красиво, шутил тонко и остроумно – знаменитый адвокат был в ударе. Он просто очаровывал своим красноречием Сергея Костомарова, студента последнего курса механо-математического факультета столичного университета. Наконец, Павел Павлович перешел к тому, для чего, собственно и пригласил Сергея в этот роскошный ресторан.

– Сергей Сергеевич, а у меня, знаете ли, проблема. Дочка у меня единственная, Танечка. Нет, нет, вы не подумайте чего-нибудь такого, – поспешил добавить адвокат, увидев как насторожился Сергей, – речь идет о ее образовании. Математику любит очень, а здесь ей в университет не попасть. Списался я со своим клиентом из Горных Кантонов, да, да, у меня и там клиенты есть, так он порекомендовал университет в Люцерне – там, говорит, и математический факультет очень приличный, и девушек принимают.

– Это всё очень интересно, Павел Павлович, но чем я-то могу вам помочь? Порядков я тамошних не знаю, требования ихние к абитуриентам мне не известны.

– Обижаете, дорогой Сергей Сергеевич. И условия приема, и вступительные экзамены – всё это мне прислали. Я не прошу вас дать мне ответ сейчас. Я понимаю, нужно ознакомиться с программой и с будущей абитуриенткой. А что касается оплаты – сколько всего вы за год на репетициях зарабатываете – умножьте на два...

– Что-то многовато...

– Да ведь особые условия: требования незнакомые, опять же не ученик, а ученица, да и время поджмает – к будущему августу успеть нужно. И вам дополнительная нагрузка, защита диплома у вас, кажется, в июне, не так ли? Между прочим, у Тани дома свой кабинет большой, и вы можете там и своим дипломом заниматься. Это, наверное, удобнее, чем в общем зале в университете.

Так у семнадцатилетней Татьяны Павловны, выпускницы гимназии, появился репетитор, Сергей Сергеевич Костомаров, двадцати четырех лет отроду, дипломант механико-математического факультета столичного университета. К последнему курсу университета он успел более трех лет проработать на нескольких заводах. На основе приобретенного опыта Сергей написал небольшую монографию о способах определения износа оборудования для расчета амортизационных отчислений. Эта работа очень заинтересовала промышленников, а декан факультета сказал, что она может стать базой для вполне приличной диссертации.

* * *

Сергей уже полгода преподавал частным образом Танечке, то бишь Татьяне Павловне, основы математики и физики, готовя ее к поступлению в Люцернский университет, что в Горных Кантонах. И вот сегодня, когда Сергей уже было надевал плащ, чтобы отправиться к себе в Зажоры, где он проживал на квартире у вдовы погибшего еще в Оттоманскую компанию штаб-офицера, Павел Павлович его остановил, пригласил к себе в кабинет, и там сразу притеснул к делу: «Сергей Сергеевич, посмотрите на себя в зеркало, пожалуйста. Что вы там видите? Молчите? И правильно делаете, потому что ничего хорошего вы там не видите».

– Я что-то не совсем вас понимаю, Пал Палыч...

– А чего тут понимать? На вас же лица нет! Сколько времени вы на дорогу тратите? Не нужно, дорогой мой, я и сам все знаю: полтора часа до университета, потом полчаса к нам, а потом обратно полтора часа до дому. Итого три с половиной часа, если я хоть что-то понимаю в арифметике. А ведь вам диплом готовить надо. Так ведь недолго и ноги протянуть. Что люди обо мне скажут? Дескать заморил до смерти будущее светило науки!

– Вы правы, пожалуй. Но я вижу только один выход из положения... Жаль, конечно, не успел довести занятия с Татьяной Павловной...

– Даже и думать об этом не смейте! Вы меня, дорогой мой, не поняли. Я ведь что хочу вам предложить: поселяйтесь пока у нас. До университета рукой подать. А квартира у нас, сами знаете, большая: одних гостевых комнат четыре. В одной комнате у вас будет спальня, в другой – кабинет, а столоваться будем вместе.

– Право не знаю, Пал Палыч, все это как-то неожиданно. Да мне и не по карману.

– Насчет кармана не извольте беспокоиться – рассчитаетесь, когда ставку в университете получите. Да и я свою выгоду блюду: если у Татьяны вопросы по вашим домашним заданиям, она ночь не спит – переживает, а так сможет к вам обратиться. И у меня по моим корпоративным делам с промышленниками технические вопросы возникают. Так вы одним только этим свое проживание окупите. Соглашайтесь, чего там! И мне будет с кем рюмочку на сон грядущий опрокинуть, а то и дела обсудить. А Татьяне я скажу, чтоб она вам не слишком досаждала. Все, решено! А извозчика за вашими вещами я с утра пришлю, и с хозяйкой вашей обо всем договорюсь.

Очень скоро Сергей почувствовал себя своим человеком в этой дружной и веселой семье. Частенько по вечерам Пал Палыч, Анастасия Георгиевна, Таня и Сергей рассаживались в зале у камина, и начиналось обсуждение последних новостей, Таниных успехов, а с некоторых пор и дел, которые вел Пал Палыч. Он оказался прав: в вопросах, касающихся техники и производства, Сергей оказался очень полезным советчиком.

Однажды состоялся знаменательный разговор, запомнившийся Сергею на всю жизнь и даже в какой-то мере определивший его судьбу.

– Пал Палыч, если конечно это не секрет, скажите, почему вы хотите отправить Таню на учебу в Горные Кантоны? Насколько мне известно, в самой Великославии есть университеты, в которые женщин принимают.

– Вы задали очень актуальный вопрос, – после небольшой паузы, которая потребовалась для раскуривания сигары и обдумывания ответа, Пал Палыч продолжил, – и я скажу вам честно – еще месяца полтора-два назад я постарался бы уклониться от ответа на этот вопрос. Однако, сегодня я знаю вас достаточно, чтобы вам доверять. Не удивляйтесь, сейчас поймете, почему этот разговор доверительный. Так вот, дорогой Сергей Сергеевич, что я вам скажу, – Павел Павлович снова затянулся ароматной сигарой, – нам с вами на этой земле, я имею ввиду нашу обожаемую Великославию, места скоро не будет. Удивляетесь? Объясню. Просматривал я последнее время революционные брошюры, листовки – уж очень мне любопытно было понять, кого и к чему они зовут. Оказалось, зовут они пролетариат, то есть наших фабрично-заводских рабочих, и зовут они их к ниспровержению существующего строя и к созданию своего пр-р-р-ролетарского государства. Да ведь как зовут! «Пролетариям нечего терять кроме своих цепей, а приобрести они могут весь мир»; «Кто был ничем – тот станет всем». Улыбаетесь, Сергей Сергеевич, а зря. Я, как вам известно, не только адвокат, но и общественных обязанностей не чуждаюсь. Да-с, и состою при Государственном Совете в комиссии по быту и нравственности заводских рабочих. А потому регулярно посещаю столичные предприятия и места проживания заводских рабочих. Ужаснейшая, доложу я вам, картина. Начнем с работы. Заработок такой, что ни семьи толком не завести, ни себя хотя бы как-то обеспечить. В цехах темно, осенью сыро, зимой холодно, жарко и душно летом. Никакой вентиляции. Воды и то негде попить. Станки без ограждений. Если с тобой что

случилось – на себя пеняй. Пенсии ни по возрасту, ни по инвалидности. Полная социальная незащищенность. А казармы, где семьи отделяются друг от друга и от холостых рабочих простынями на веревках, общественные умывальники и туалеты... А да что там! Вот вы сами как полагаете, чего можно ожидать от человека, у которого ничего нет ни сейчас, ни в будущем. Этого человека никто никогда не жалел, он никогда не читал хороших книг. Все, кто стоят хоть на одну ступеньку выше его по социальной лестнице, для него враги. А тут ему предлагают такие заманчивые лозунги! За ними он пойдет куда угодно! И грядет бунт, бунт рабов. Он сметет всё! А потом тем, кто их подымет на такой бунт, придется эту толпу усмирять, а усмирить ее можно будет только посредством жесточайшей диктатуры. Короче говоря, если все это вовремя не остановить, цивилизация погибнет, по крайней мере в нашей стране. Говорю с заводчиками, с депутатами законодательного собрания – они смеются: «Ничего мол страшного. Всегда, дескать, так было, и даже хуже бывало, и обходилось. Обойдется и теперь». А я, кажется, начинаю приобретать репутацию «красного». Вы ведь механик, не так ли? Вот если, например, гонять котел на пределе и без предохранительных клапанов, что будет? То-то и оно! А ведь рабочим есть с чем свою жизнь сравнивать: вон, на Западе, там рабочие многого добились, и живут как люди – тамошние хозяева поняли, что не стоит доводить людей до греха. Так что, как видите, пороха у нас в стране хватает, а за спичками дело не станет.

– Страшные вещи вы говорите, Павел Павлович. Что же делать?

– Не знаю, что вам и присоветовать. Для своего семейства я решение принял: деньги перевожу в Горные Кантоны, домик там себе купил. Вот дочку к Люцернскому университету с вашей помощью готовлю. Я ведь уже не молод, и в борцы не гожусь, а за семейство свое перед богом и совестью отвечаю. У вас ситуация, конечно, несколько иная, но... Нет, дорогой мой Сергей Сергеевич, не смею вам подсказывать.

Как-то уж само собой получилось, что когда они с Пал Палычем читали газеты по вечерам у камина в большой гостиной, то Танечка с вязаньем или с книжкой стала пристраиваться на низенькой скамеечке у ног Сергея, и, поворачиваясь, прижималась плечом к его колену. И вопросов по учебе у нее накапливалось много, так что вечером не раз и не два раздавался стук в дверь его кабинета. А если у нее и не было вопросов, а чаще всего так оно и было, то она просто просила разрешения посидеть на диване. «Я буду сидеть тихо-тихо, как мышка». Забиралась с ногами на диван, начинала что-нибудь читать или просто мечтать, а потом тихонько уходила. Но однажды, когда Сергей, потягиваясь от усталости (защита диплома на носу), встал из-за стола, он обнаружил на софе мирно посапывающую во сне Танечку. Оставлять ее в кабинете было неудобно. Будить жалко. И Сергей принял единственно правильное, как он полагал, решение: Он подял Танечку на руки и понес в ее собственную комнату. Танечка, надо понимать во сне, охватила его могучую шею ручками и уткнулась носиком Сергею в щеку. Молодое сердце Сергея стучало так громко, что его, наверное было слышно даже на улице.

– Сережа, вам не тяжело? – из гостиной, где она последнее время допоздна засиживалась, вышла Анастасия Георгиевна. – Вам помочь? – улыбнулась растерянному Сергею, и сопровождала ценный груз до места назначения.

В спальне она помогла Сергею разнять обхватившие его шею девичьи ручки и уложить спящую девушку на кушетку...

– Тяжко вам с ней приходится. Идите спать, завтра тоже нелегкий день, – и ласково погладила Сергея по щеке.

Естественно, что после этого эпизода родители стали внимательно присматриваться к Сергею. И однажды в гостиной состоялся разговор.

– Сергей Сергеевич, а почему бы вам не рассказать что-нибудь о ваших предках? Если не ошибаюсь, вы ведь из старого дворянского рода, не так ли? Было бы очень интересно послушать!

– Ну если вам, Пал Палыч, и правда интересно... А знаете ли, у нас в роду действительно был очень интересный человек – моя прабабка, Анастасия Федоровна. Была она сироткой и жила с единственным родственником, дядей по материнской линии. Тот служил управляющим в имении моего будущего прадеда. Так как дядя был уже немолод, и справляться с хозяйством ему становилось с каждым годом все трудней, то он приспособил шуструю и очень способную девочку себе в помощницы. Молодой барин служил в действующей армии, в имение родовое наезжал редко, присматриваться к переменам в хозяйстве не успевал, и может быть даже не сразу заметил Настю. А для нее он был, можно сказать, кумиром. Человеком она была решительным – без этого в большом хозяйстве, каким было имение, нельзя. Но прадедушка, наверное так бы и остался героем ее девичьих грез (разница положений громадная), если бы не один случай.

Появился в уезде, – продолжал Сергей, – капитан в отставке, некто Шандыбов. Ходили слухи, что не в отставке он был, а выгнали его из полка за какие-то неблагоприятные делишки. Как бы там ни было, организовал он у себя в доме карточный клуб. Играл настолько счастливо, что у многих начало закрадываться подозрение, а не шулер ли он. Однако, такие подозрения он пресекал очень просто – вызывал на дуэль, а стрелял он отменно. Отказываться от дуэли молодым людям не позволяла честь. Так что Шандыбов до поры безнаказанно грабил и убивал цвет уездной молодежи. А прадедушка мой к тому времени получил длительный отпуск по ранению и осел в деревне. Он тоже стал наезжать к Шандыбову. Настенька, конечно, безотказно давала деньги на оплату карточных долгов моему полному тезке Сергею Сергеевичу. Правда, играл он осторожно, да и вообще принимал участие в игре, чтобы бывать на этих собраниях, общаться с людьми. А так как человек он был не азартный и наблюдательный, то стал примечать кое-какие карточные трюки Шандыбова. Тот решил избавиться от чересчур внимательного и не очень выгодного партнера по зеленому столу. Короче говоря, придрался к чему-то и вызвал моего будущего прадеда на дуэль. Поручик в отставке Костомаров, естественно, об этом Настеньке рассказывать не стал. Однако, показал на всякий случай, где хранятся фамильные драгоценности и завещание. Настенька сразу поняла что к чему и решилась на отчаянный шаг. Вы еще не устали от моего рассказа? Короче говоря, когда участникам дуэли вручали пистолеты, подлетел всадник с нагайкой в руках и начал немилосердно охаживать этой нагайкой Шандыбова, приговаривая звонким девичьим голосом примерно так «Ах ты злодей! Мало того, что ты людей грабишь, так тебе еще кровушки ихней захотелось!». И добавлялись и другие ругательные выражения, которым, общаясь с крестьянами и купцами, Настя выучилась. Во время этой экзекуции с нее свалилась шапка, и ее, конечно, узнали. Скандал получился страшный. Шандыбову пришлось убраться из уезда. Однако, молва об этой экзекуции шла за ним по пятам. Ему пришлось покинуть центральные губернии. Губернатор, узнав об этой истории, говорят, произнес «Есть женщины в славских селениях!».

– Ну а что же дальше то с Настенькой произошло? – заливаясь румянцем спросила Надя.

– Сергей Сергеевич, над которым стали подшучивать приятели по поводу явления его ангела-избавителя, вернулся домой очень раздосадованный, наговорил сгоряча Настеньке много горьких слов. Она все молча выслушала, а потом сказала: «Ругайте меня, Сергей Сергеевич, как хотите, а только иначе я не могла, потому как мне без вас либо в воду, либо в петлю!».

– Да, действительно, интересно, – затянулся сигарой Павел Павлович. Что же они после этого поженились?

– Нет, не сразу. Приключилась с моим прадедом после всего этого нервная горячка, как тогда это называли. Настя все ночи у его постели проводила. Потом доктор, когда Сергей Сергеевич стал поправляться, порекомендовал ему полечиться на водах. Однако, он настолько ослаб, что самостоятельно туда добраться не мог. Настин дядя остался присматривать за помещьем, а Настя отправилась сопровождать барина на воды. Стали они неразлучными. Местный священник их тайно обвенчал: Настя настояла на тайне, понимала что по положению они не ровня. А Сергей Сергеевич постепенно все больше проникался к Насте симпатией, а потом, незаметно для самого себя, полюбил ее...

– И жили они счастливо до самой смерти. Так, Сереженька? – Спросила Анастасия Георгиевна.

– К сожалению, не совсем. Настя умерла при рождении второй дочери. Сергей Сергеевич постепенно стал отходить от дел, доверяя все старому управляющему, а потом и сыну. Он все больше времени проводил у Настиной могилы, разговаривал с ней. И однажды там его и нашли под утро. Говорят, на лице была счастливая улыбка.

– Сереженька, обещайте мне, обещайте... – больше Танечка ничего не могла сказать, закрыла лицо руками и убежала из гостиной.

Иногда Павел Павлович приносил билеты в оперу или в знаменитый драматический театр и просил Сергея сопровождать Татьяну Павловну, если у него самого с Анастасией Георгиевной времени не было, а это в последнее время почему-то случалось все чаще и чаще. Молодые люди не возражали. Возвращались они после театра или концерта, как правило, пешком. Шли не торопясь, так как у них было очень много общих тем для разговоров, и, как-то сами не замечая этого, стали держаться за руки...

Летом Павел Павлович вывозил свое семейство на природу в излюбленное им место. А место и вправду было замечательное – небольшое озеро с прозрачной водой и песчаным дном, обрамленное смешанным лесом. Разумеется, Сергей Сергеевич, по просьбе очень тактичного главы семьи, составлял им компанию. Павел Павлович, обычно, после установки тента, уходил с новым инстранным производства удилищем и прочими сложными рыбацкими приспособлениями на одному ему известное место, где «клюет», закидывал удочку, усаживался на складной стульчик и... доставал очередное дело. Что касается Анастасии Георгиевны, то она, дождавшись пока молодые люди принесут воду, заготовят дрова и разожгут костер, начинала жаловаться, что от них больше шуму, чем помощи, и просила убраться до обеда куда-нибудь подальше, каковую просьбу Таня и Сергей с большой охотой выполняли. Что может быть лучше чем прогулки по сосновому бору или березовой роще вблизи озера в хорошую погоду, да еще с любимым вдвоем... Если на пути у них попадался ручей, то это становилось великолепным предлогом, чтобы перенести Танечку на руках. Танечка крепко охватывала шею Сергея и утыкалась ему в щеку носом, а иногда и губками, и почему-то не очень спешила спуститься на грешную землю, да и спускалась очень осторожно, не торопясь, явно не желая покидать такое надежное убежище – крепкие мускулистые и такие нежные руки Сереженьки, как она теперь про себя называла Костомарова. У них и раньше хватало тем для разговоров, а теперь они начали загадывать о будущем и верили, что в этом будущем они всегда будут вместе.

Неизвестно, сколько бы продолжалась эта аркадская идиллия, но Сергей, воспитанный в традициях порядочности и уважения к женщинам, чувствовал, что так долго продолжаться не может, и нужно принимать решение: просить руки Танечки он не смел, понимал, что еще не готов создать свой дом, а расставаться с любимой девушкой (а Сергей чувствовал себя влюбленным с головы до пят) было не по силам. Решение пришло оттуда, откуда его никто не ожидал.

Сергей защитил диплом с таким блеском, что в порядке исключения ему было присвоено звание кандидата наук, и стал преподавать в университете. По настоянию Пал Палыча

он продолжал жить у него, заканчивая подготовку Тани к экзаменам в Люцернский университет.

Однако всему хорошему приходит конец. В тот памятный день Сергей вернулся из университета, где он руководил группой дипломников, пораньше, и они с Пал Палычем надолго заперлись в кабинете. В доме воцарила напряженная тишина.

За обедом Пал Палыч постучал ложечкой по стакану: «Произошло неприятнейшее событие – Сергей Сергеевич получил извещение о том, что, в связи с напряженной обстановкой на западной границе, он срочно призывается на военную службу и командировается на строительство оборонительных сооружений. Прошу любить и жаловать инженер-капитана императорской армии. Кстати, почему сразу капитан?».

– Нет, Пал Палыч, далеко не сразу. Я ведь, начиная с четвертого курса, ежегодно на сборах. Одних мостов построил через всякие водные преграды сам уж не помню сколько...

– Когда отправляетесь, Сергей Сергеевич?

– Пять дней на сборы.

Танечка выскочила из-за стола и убежала к себе в комнату. В гостиной повисла тягостная тишина.

Ночью беспокойный чуткий сон Сергея был прерван шорохом открываемой двери. Он помотал головой, чтобы отогнать видение, но оно не пропадало – у изголовья кровати стояла... Танечка.

– Сереженька, миленький, проснись!

Руки сами по себе охватили тоненькую Танечкину шею, губы встретились... И вот уже Танечка в постели прижимается к ставшему вдруг горячим и непослушным телу Сергея.

– Сереженька, мне папа всё сказал. Это война. Я не знаю, когда ты вернешься. Но я хочу чтобы ты обязательно, непременно вернулся ко мне. И чтобы мы больше никогда не расставались. Поцелуй меня, горячее, сильнее...

Язык Сергея вошел в доверчиво раскрытые губы Тани, руки охватили талию, а потом сами пошли в извечный поиск...

Таня крепко стиснула губы, охватила шею Сергея, раздвинула ноги и, затаив дыхание, приготовилась...

Сергей поцеловал маленькие налитые девичьи грудки, почувствовал как Танечка напряглась под ним, и стал осторожно в нее входить.

– Сереженька, пожалуйста, ты меня не жалея.

– Я боюсь, тебе больно будет.

– Ну и пусть! От любимого стерплю.

Утром Танечка и Сергей, красные от смущения, но с сияющими от счастья глазами, вышли, держась за руки, из спальни Сергея, и понесли повинные головушки на суд и расправу Павлу Павловичу и Анастасии Георгиевне.

По случаю свадьбы Сергею добавили еще две недели отпуска, а начальник воинского присутствия, седой подполковник с шрамом через всю левую щеку, подписывая документ вздохнул: «Извините меня, инженер-капитан, но война предстоит страшнейшая. Всяко может случиться. Память о себе хорошо бы оставить, чтоб было кому ваш род продолжать».

Алексей Алексеевич – начало пути

– Заходите, Прозоров, заходите. Не стесняйтесь! – Навстречу Алексею из-за стола декана журналистского факультета поднялся седоватый человек среднего роста в отлично сшитом партикулярном костюме, но с выправкой старого военного.

– Вы Алексей Алексеевич Прозоров, не так ли?

– Прозоров, – несколько растерялся Алексей, – а вы кто? Минуточку, не говорите. Я сам скажу, – Алексей замолчал еще раз внимательно посмотрел на собеседника, и вдруг широко улыбнулся, – Здравствуйте, дядя Ваня!

– Ну, чтобы уж быть совсем точным, Иван Васильевич Голубев. А ведомство все то же, в котором мы с твоим покойным батюшкой служили. А ты молодцом, молодцом! Сколько лет не виделись? Лет пятнадцать, не меньше. Ты тогда совсем маленьким был, а ведь вот вспомнил! В нашем деле такая память дорогого стоит. А пришел я, дорогой мой Алеша, по твою бессмертную душу. Похож на сатану? Ладно, как говорится, шутки шутками, а дело делом. Ты нам нужен. Мы начинаем новое, необычное дело. Для него требуются люди, которым можно доверять абсолютно.

– Не представляю, чем я вам сегодня могу быть полезным.

– А вот чем. Я не стану утверждать, что время плаща и кинжала прошло. Чего нет, того нет. И время добывания государственных секретов не совсем законными способами тоже еще не прошло. Но наступают новые времена – времена широкого распространения газет... Корреспонденты или, как их еще называют, репортеры соревнуются друг с другом в поисках самой свежей, самой интересной информации, то есть в какой-то степени выполняют наши функции. Вот это нам нужно использовать.

– Очень интересная постановка вопроса.

– Мы решили создать Всеславийское агентство иностранных новостей. Это агентство должно получать иностранные газеты, журналы и отбирать наиболее интересную для читателей информацию. Конечно, официально это агентство будет обслуживать газетно-журнальные издательства. А мы будем обобщать и анализировать все это с нашей точки зрения.

– Прекрасно. Но я пока не вижу себя в этом деле.

– Ты не перебивай, ты слушай! Кто-то должен отправиться за рубеж и заключать там договора. Этот кто-то, конечно, должен разбираться в составлении договоров – дело наживное, подучим. Однако, главное, конечно, не в этом. Нужно подобрать такие газеты и журналы, которые могут оказаться нам наиболее полезными. Вот тут твоя специализация по сбору и обобщению информации очень даже пригодится. Но есть еще одно обстоятельство. Мы не можем поручить эту работу кому-либо из наших сотрудников. Если его раскроют, то из этой затеи ничего не выйдет.

– Понимаю. Я у вас не работаю. Буду числиться в штате этого агентства.

– Совершенно верно! Наше ведомство вообще не причастно к этому агентству. Мы даже не будем его подписчиками.

– Значит, я сначала заключу договоры по вашему указанию, а потом буду работать с получаемой информацией и передавать ее вам, не так ли?

– Это для начала. Когда разберешься, что к чему, то... Нет, все-таки что ни говори, а наследственность сказывается! Сразу все понял. Защита у тебя через две недели? Ну еще недельки две погуляй, дух переведи. А потом с богом.

Так Алексей Алексеевич Прозоров, сын и внук разведчиков, пошел в газетчики.

* * *

Директор агентства, немолодой полноватый господин с манерами большого барина, слегка приподнялся, когда Алексей вступил в громадный кабинет, обставленный заказной мебелью красного дерева: «Здравствуйте, Алексей Алексеевич. Мне сказали, что ваша заветная мечта – стать информатором. Извините, оговорился, заниматься информацией. Одобряю. Весьма похвально! Вы, если не ошибаюсь, журналист? Вот и отлично. Надеюсь, что наше знакомство будет взаимно полезным и приятным. – Директор агентства нажал на кнопку электрического звонка – устройство недавно появившееся, но уже ставшее модной новинкой. – Аглая Борисовна, пожалуйста, проводите Алексея Алексеевича в операционный отдел».

А в операционном отделе творились всяческие чудеса: «Прозоров, получите паспорт. Распишитесь. Здесь визы в... Ну сами потом разберетесь. Чековые книжки на предъявителя. Каждая на свой вид валюты. Распишитесь. Проездные документы. Распишитесь. Почему на двоих? А вас разве с вашим секретарем еще не познакомили? И о чем они там только думают?! Человеку завтра уезжать, а он даже со своим секретарем не познакомился! О Господи! – не удосужившийся даже представиться Алексею худощавый, очень подвижный человек с незапоминающимися мелкими чертами лица закричал неожиданно глубоким баритоном, – Виктория Андреевна, ну куда же вы запропалились?».

– Здесь я, здесь! Никуда я не запропала. К поездке готовлюсь.

Перед Алексеем предстало очаровательное существо лет двадцати двух (на самом деле Виктории Андреевне Загряжской, опытной разведчице, к этому времени уже исполнилось все тридцать), белокурое, голубоглазое, с такой очаровательной белозубой улыбкой, что у Прозорова аж сердце захолонуло. Она протянула Алексею руку: «Давайте знакомиться. Виктория. Можно просто Вика. А вы мой будущий начальник, Алексей Алексеевич Прозоров?».

– Очень рад. – Алексею очень хотелось попросить Вику, чтобы она его называла Алейшей, но не решился.

Вообще все ему казалось странным: личность никак не проверяют, ни о чем не спрашивают. Просто перебрасывают от одного к другому. Странной была и встреча с директором Всеславийского информационного агентства – ВСИА, который ограничился несколькими ничего не значащими словами. Откуда ему было знать, что директор просто сверял личность Алексея с фотографией и наблюдал за ним, а без Аглаи Борисовны Прозорова не приняли бы в операционном отделе. Пройдет много лет, и матерый разведчик Прозоров, пройдя огонь, воду и медные трубы, будет с ностальгической улыбкой вспоминать этот день.

* * *

– Алексей, ну что же вы? Мы в театр опоздаем. – Виктория критически смотрела на Алексея, отчаянно пытавшегося справиться с узлом галстука. – Вы что, никогда раньше галстуком не пользовались?

– Да нет, мы в университете как-то селедку не очень уважали, – смущенно улыбнулся Прозоров.

– Хорошо, на этот раз я помогу, но придется вам это дело освоить. Сами понимаете, представительство.

Виктория начала заправлять галстук за жестко накрахмаленный воротник сорочки. Ей даже не пришлось становиться на цыпочки – они с Алексеем оказались примерно одного роста. Когда ловкие и ласковые руки Виктории коснулись шеи Алексея, тот вздрогнул и

покраснел. Ей стало не по себе: Нужели эти идиоты послали на задание за границу ДЕВСТВЕННИКА? Да его первая же шлюха перевербовать может!

Ловкие ласковые ручки на шее и близость смеющихся карих глаз и очаровательных губок толкнули Алексея на отчаянный поступок – он наклонился вперед и... поцеловал розовую щечку.

– Алешенька, вы с ума сошли! Мы и так опаздываем, а вы еще тут целоваться надумали! – Виктория ласково потрепала буйную гриву Алексея, которую ей тут же пришлось причесывать, – и добавила построжавшим голосом, – Вам необходимо сосредоточиться. – Но глаза ее при этом продолжали светиться лаской. – Алешенька, вы позволите мне вас так называть, учитывая мой преклонный возраст? У вас постоянная девушка дома была? А женщины на вашем пути не попадались? Тоже нет?

Алексей, набычившись и густо покраснев, молчал.

– Ну вот, так и есть. Придется при встрече сказать им пару теплых слов. Засиделись в кабинетах, забыли оперативку! Ладно Алеша, не смущайтесь. Попробуем это дело поправить. – Она легко поцеловала Прозорова в губы. – Ну, пока достаточно, – остановила вдруг осмелевшего Алексея. – В театр опоздаем!

Возвращались из театра, взявшись за руки. Виктория, по натуре человек добрый (что не мешало ей выполнять самые жесткие задания), даже немного взгрустнула: она знала, какими душевными травмами придется заплатить Алексею за их короткий роман. Но ничего не поделаешь, нужно вырабатывать иммунитет – без него пропадешь. Плохо, конечно, что ему придется без розового сразу перейти к красному.

* * *

Алексей постучался в дверь ванной комнаты. Собственно говоря, в том, что он постучался ничего удивительного не было: ванная между номерами Алексея и Виктории была общей для обоих постояльцев. Станным было то, что в ответ на стук он услышал «Заходи, Алеша!». Стоявшая под душем в розовой шапочке (ничего другого на ней не было), Виктория приветливо улыбалась.

– А я как раз думала «Кто бы пришел, да спинку потер!». Ну чего стоишь, раздевайся! Или ты собираешься под душ при полном параде? – Все это говорилось так легко и непринужденно, что Алексей почти перестал смущаться.

– Молодец, Алешенька, хорошо трешь. Только не надо так налегать, а то я не устою. И вообще не распайся раньше времени: у нас вся ночь впереди. А теперь я тебя потру, хорошо?

С этой ночи они не расставались. Виктория была строгим учителем и усердным работником. Целый день они трудились без роздыха. В тоже время, любой свободный момент они использовали для осмотра достопримечательностей, музеев, посещали театры. И только ночью Виктория снова превращалась в нежную и страстную любовницу.

Она оказалась очень дельным помощником и советчиком. Помимо чисто деловых проблем, Вика взяла на себя, как она выражалась, заботу о презентабельности Алексея. Это было совсем не лишним, если учесть, что Прозоров отправился в этот вояж прямо со студенческой скамьи.

* * *

В гостиничном номере скромной, но respectable гостиницы, на окраине столицы Аллемани – Города Большой Медведицы, Алексей и Виктория, которые к этому моменту уже называли друг друга не иначе как Алеша и Вика, заканчивали обсуждение дел сегодняшних

и планов на завтра. Оставалось только еще раз все проверить и составить отчет. Были заключены договоры с целым рядом газет и журналов, включая военные и технические. Затем они должны были расстаться: Алексей возвращался в столицу, а Виктория... Виктория получила шифrogramму и должна была отправиться в одно небольшое приморское государство, где ее ожидал пакет с очередным заданием.

– Алешенька, чего ты приуныл. Расстаемся, ну и что? Жизнь на этом не кончается! Будут у тебя другие девушки, другие радости.

– Никого мне кроме тебя не надо!

– А вот это, Алешенька, лишнее, – голос Вики пстрожал. – У разведчика главная его привязанность – Родина. И нужно всегда быть начеку, чтобы никакая другая привязанность этому не помешала. Может быть мы с тобой никогда больше не встретимся, может встретимся, но того, что было между нами, больше не будет и не должно быть. Этого и сейчас бы не было, но тебя нужно было вооружить против тех, кто попытается тебя сбить с толку.

– Я-то думал, что ты меня любишь!

– Прозоров, я сказала всё! И не вздумай напиваться!

Загряжская ошибалась. Им еще предстояло встретиться, и не просто встретиться, но и стать участниками событий, изменивших судьбу Великославии. Но никому не дано предвидеть на добрых четверть века вперед.

1907-й год. Погром

Жалоба

Когда в кабинет градоначальника вошла группа решительно настроенных именитых горожан во главе с Златоустом, единственным адвокатом в этом небольшом малославском городке, мэр не удивился: о том, что к нему направляется делегация и по какому именно поводу, он узнал еще задолго до посещения – в маленьких городках всегда и всё всем известно.

– Господин градоначальник, кровь мучеников взывает к отомщению! – патетически начал Златоуст. – Богом проклятые джуи загубили наших юношей, надежду и опору нашего города, превратили в вечное страдание жизнь их родителей и невест. Мы требуем принятия самых решительных мер. Это чудовищное преступление не должно оставаться безнаказанным.

– И в чем же состояло это чудовищное преступление? За что именно мы должны покарать джержов? Кстати говоря, Иоанн Митрофанович, мы с вами люди в каком-то смысле официальные, а потому давайте придерживаться официальных терминов. Расскажите, пожалуйста подробно, в чем вы этих джержов обвиняете?

– Они убили троих наших замечательных мальчиков – Виктора Задерюхина, Василия Прыгуна и Федора Остроухова. Безутешные родители...

– Вы это уже говорили, Иоанн Митрофанович. Однако, прошу вас, продолжайте.

– Кроме того, они избили, изувечили и ограбили еще восемнадцать весьма достойных юношей.

– Насколько мне известно, среди них было несколько человек в таком возрасте, который никак не отнесешь к юношескому. А не скажете ли вы, где и при каких обстоятельствах все это происходило? Понимаете ли, для возмездия, тем более для справедливого возмездия, а я уверен, что вы требуете именно справедливого возмездия, надобно знать все обстоятельства. Так где же именно произошла эта трагедия?

– В местечке Любавино, господин мэр.

– И что же они, я хочу сказать, наши замечательные молодые люди, там делали?

– Как вам наверняка известно, господин мэр, по всей Великославии поднимаются люди на защиту веры, государя-императора и отечества от этих... джержов, – выговорил Златоуст. – Ну и наши молодые люди, являясь патриотами Земли Великославской, тоже решили показать джержам, то есть я хотел сказать джержам, их место.

– Ага, понятно. И каким же именно образом наша молодежь показала джержам их место?

– Ну, видите ли, господин мэр, конечно не обошлось без эксцессов, кое в чем они немного перестарались, погорячились, можно сказать... Однако, намерения у них были самые что ни на есть патриотические. Поэтому, как я уже сказал, мы настаиваем на суровом наказании виновных в гибели и надругательствах. Особенно много бед наделал ихний предводитель, Мойша Гольдберг.

– Это какой Гольдберг? Это тот, чью невесту пытались изнасиловать?

В кабинете градоначальника воцарилась мертвая тишина. Мэр порылся у себя в столе, достал какую-то бумагу явно официального вида, и надев очки стал ее внимательно читать.

– Так вот, Иоанн Митрофанович, ко мне поступил официальный документ, кстати составленный вашим коллегой, в котором излагается жалоба джержов на погром, учиненный нашими замечательными юношами. – Мэр стал читать про себя, – Вот-вот, ага, вот здесь, –

он отчеркнул синим карандашом, пожалуйста: «...сожжено четыре дома. Убито девять человек, в том числе трое малолетних детей и две старые женщины. Изнасилованы молодые женщины и девушки, а также несколько пожилых дам, серьезные ранения получили...» Ну дальше идут фамилии, иски по материальному ущербу. «Предварительным дознанием установлено, что наиболее активное участие в погроме приняли...» ну тут список на семнадцать человек, включая безвременно усопших Задерюхина, Прыгуна, Остроухова. Все это подтверждается показаниями задержанных на месте... хм, происшествия участников акции. Я читать всего этого не буду: в иске больше двадцати страниц.

– Это все гнусная клевета!

– Хорошо, Иоанн Митрофанович. Вы собираетесь обратиться к суду со встречным иском, или вы имеете ввиду какие-то иные действия в защиту уважаемых граждан нашего города? Являясь вашим мэром, я готов поддержать любые действия, при условии, что они не будут нарушать требований Уложения об уголовно-наказуемых деяниях.

– Я считаю, что эти так называемые показания были вырваны под угрозой расправы и с применением физического насилия, а потому они никакого значения не имеют! Кроме того, от имени всех граждан нашего города я должен заявить, что мы разочарованы вашим поведением, господин мэр. Нам непонятно ваше равнодушное отношение к нашим страданиям. На следующих выборах это вам безусловно зачтется.

– Чем богаты, тем и рады, господин Златоуст.

А было так...

Ну вот что прикажете с этой упряжью делать? Нет, надо с хозяином серьезно поговорить. Через неделю в извоз, а ничего не готово! – Зря Моисей Гольдберг, прозванный Медведем за громадную физическую силу и соответствующую статью, клепал на сбрую и остальное извозное хозяйство – все было в отменном порядке. Просто он отгонял от себя тревожные мысли о том, что происходило по всей Малославии, где, как во времена старинной анархической самостоятельности, стали полыхать пожары погромов: власти, не в силах справиться с предреволюционным брожением, выпускали пар из котла, натравливая чернь на джеров – извечных козлов отпущения. Однако главной причиной тревоги, в чем он не хотел признаваться даже самому себе, был приезд на каникулы пятнадцатилетней гимназистки, Наташки, дочери хозяина извоза, Аврума, с которой Моисея связывали очень непростые отношения. Еще маленькой девочкой прилепилась Наташка к Медведю. Прибегала к нему, если ее обижали соседские мальчишки, или кто дома сказал неласковое слово. Он всегда находил, чем утешить маленькую подружку, то посадит на колено и споет с Наташкой детскую песенку, то свистульку или какую-нибудь другую игрушку из дерева вырежет. Никогда не забывал Моисей привезти своей маленькой сестренке, как он ее называл, подарок из извоза. Конечно, со временем отношения изменились. Наташка стала взрослой барышней, гимназисткой. Однако, приезжая на каникулы, она спешила навестить Моисея, отдавала ему свои прошлогодние учебники. А если он был в отъезде, то подолгу разговаривала с его матерью, сорокалетней вдовой, когда-то одной из первых красавиц в местечке, еще и сейчас сохранившей свою красоту. Аврум относился к их дружбе благосклонно: не имея других детей, кроме боготворимой им Наташи, он намеревался со временем передать все хозяйство толковому молодому приказчику, и считал, что Наташа будет за Моисеем как за каменной стеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.